

Н. П. Тимофеева, С. В. Аристов

**ОПЫТ ПРЕБЫВАНИЯ В КОНЦЕНТРАЦИОННОМ ЛАГЕРЕ
РАВЕНСБРЮК В НАРРАТИВНО-БИОГРАФИЧЕСКОМ
ИНТЕРВЬЮ Л. Ф. ЧУЛАНОВОЙ:
ТЕКСТ И КОММЕНТАРИИ¹**

Интервью с Лидией Федоровной Чулановой состоялось в Крыму в рамках проекта «Женщины Равенсбрюка», в котором участвовала группа студентов Воронежского государственного педагогического университета под руководством кандидата исторических наук, доцента Натальи Петровны Тимофеевой и доктора Рамоны Сааведра Сантис (Свободный университет, г. Берлин). Неоценимую помощь воронежцам оказала Симферопольская городская организация инвалидов — узников концентрационных лагерей и рабочих принудительного труда, предоставившая адреса женщин — бывших заключенных концентрационного лагеря Равенсбрюк и организовавшая встречи с ними.

В течение 2004 г. участники проекта изучали историю женского концентрационного лагеря Равенсбрюк, пути и условия попадания в этот лагерь женщин из СССР. Существенное внимание уделялось как знакомству с мемуарами бывших узниц², так и научной литературе³. Значительное время заняла техническая подготовка к интервью⁴. Кроме того, состоялись консультации будущих интервьюеров с профессиональными медиками и психологами⁵: планировавшиеся встречи с пожилыми, зачастую нездоровыми и травмированными людьми требовали грамотной реакции на возможное ухудшение состояния респондентов в процессе беседы. Участники проекта осознали значение социальной компетенции для квалифицированного проведения беседы, в ходе которой внимание опрашиваемого должно сочетаться с глубоким интересом и к самому респонденту, и к истории его жизни.

Первые интервью были проведены в г. Воронеже и Воронежской области⁶. Как и более поздние — крымские, они являлись нарративными автобиографическими интервью. Это означает, что респондентам сначала предоставлялась возможность изложить историю своей жизни так, как они ее видели. Только потом интервьюер переходил к вопросам, проистекавшим из ситуации и вызывавшим дальнейшие рассказы респондента. Лишь затем становилась возможна уточняющая фаза, когда допускались односложные ответы и повторяющиеся вопросы.

© Тимофеева Н. П., Аристов С. В., 2008

Методика нарративно-биографического интервью предполагает два визита к респонденту. В Крыму группа не могла, однако, следовать классическим правилам устной истории. Проект осуществлялся на средства самих участников, не располагавших возможностью ночлега в Симферополе, Ялте, Алуште, Севастополе, где состоялись интервью с бывшими заключенными Равенсбрюка, и вынужденных ежедневно возвращаться в Солнечногорский пансионат, отказываясь от повторного визита к респонденткам.

Тем не менее, участники проекта обрели бесценный опыт общения с очевидцами событий прошлого, прошедшими через длительное экстремальное насилие. Проблема заключения в женском концентрационном лагере Равенсбрюк предстала в интервью в контексте всей жизни респонденток. Воронежцы же стали создателями и соавторами новых исторических источников. Апробированный в Крыму метод позволяет использовать материалы интервью в исследованиях не только историков, но и социологов, филологов, культурологов.

Представленная ниже запись беседы с Л. Ф. Чулановой имеет особую ценность, ибо является редким случаем интервью с женщиной, попавшей в концентрационный лагерь подростком, т.е. в решающий период созревания организма и становления личности.

* * *

Интервьюер (далее — И.): Мы ведем интервью 23 августа 2005 г. из квартиры Чулановой Лидии Федоровны. Мне помогает Михаил Мамонов⁷. Лидия Федоровна, расскажите о себе — от родительского дома до сегодняшнего дня.

Респондентка (далее — Р.): Я прожила тяжелую и интересную, можно сказать, жизнь. По рассказам моей мамы, я воспитывалась без отца, потому что отец у меня был военный; и он погиб в 1929 г., как мама говорит, на КВЖД⁸. И я всю свою сознательную жизнь воспитывалась с мамой. Мама замуж больше не вышла, я была у них одна.

Мы жили все время в Сибири. Мы сибиряки. Мама моя, не знаю, окончила она что или нет, но она была учительницей. Она преподавала татарам, казахам, якутам, на севере остякам, в чумах жила. Кругом ее по партийной линии..... везде она ездила. В Сибири в каких-то золотых приисках была. По бездорожью в снега там раз в неделю ходили подводы. И везде она таскала меня за собой, и я везде с ней ездила. Потом, я не помню, в каком году, в школу пошла. Это было, по-моему, где-то в Кузбассе. В конце концов, она заболела, видать, простыла. У нее заболе-

ли ноги, она ходила с палочкой, в общем, такая болезненная была. Я не помню, сколько мне лет было..... И ее отправили сюда в Крым, на лечение. А лечение было не путевка в 24 дня, а надо было длительно лечиться. Сказали: «Вы поедете, подлечитесь, поможете товарищам по работе». Мы приехали как раз перед самой войной сюда, отдыхать, лечиться. Сколько-то мы тут прожили, месяца два или три, в общем мало. Мы приехали из Сибири в шубах, пуховых платках, а когда приехали в Симферополь, там дождик шел. Она там полечилась, год работала где-то..... Из Симферополя ее направили в Красногвардейское, там она с месяц поработала, и началась война. Стали эвакуироваться, а она не эвакуировалась. Здесь в горах партизанские отряды были. Вот Красногвардейское: он раньше назывался Курман-Кимерчи. Там от него в трех километрах совхоз какой-то был (я уже не помню), оттуда вывозили продукты, и все это в горы, на южный берег. А когда все это прекратилось, сказали, кому куда явиться надо и в какое время. Мы ночью собрались с мамой идти..... уже немцы пришли в Джанкой, и мы с мамой ночью пошли в Симферополь, прямо по дороге. Мы так и шли по дороге, там она одна была. Мама сказала, что нас должна догнать машина в определенном месте. Пришли — машины не было. Продолжали идти, нас догнала машина, а это уже были татары. Эта машина была с людьми, много людей было набрано, и это были татары с немцами. Всех, кто что-то знал, выдавали татары, все базы партизанские. До 1943 г. здесь ничего не действовало, в смысле партизанского движения. Потому что в лес никого не пускали, а татары все знали, какие там деревни.....

Нас привезли в Симферополь, в какой-то двор, я даже не знаю. Там столько было народа, как стадион, я даже не знаю, что это такое было. Там были и раненые, и избитые, и детей было вообще неопишное количество. Там уже были немцы, русские полицаи, татар как-то было меньше. Потом нас всех развозили кого куда, там мы пробыли, может быть, до утра. Утром нашу группу — женщин и много детей было, и раненых — всех нас погнали на железную дорогу. Тут всех нас погрузили в теплушки, в вагоны, всех вместе: женщин, мужчин, детей, раненых, избитых — и повезли.

Везли нас дня два или три, без воды, без еды, без всего. Женщины, как могли, детей успокаивали, освободили одно окно в теплушечке, дети плачут же. Там и мертвые были, и всякие. Потом нас остановили, я так понимаю, на выходе из Крыма. Эшелон был большой, все время прицепляли, прицепляли...

Евреев сразу отделяли, еще с Симферополя. Их не знаю куда девали, но их сразу уводили и все. Выгнали нас всех в поле, там оказалась такая масса народа, кошмар. Тут отделили мужчин. Мы все кинулись пить, а тут и стреляли, и били. Мужчин отделили, и пленных, и гражданских. В вагонах было много трупов, еще же прицепляли, а какие там были люди, не знаю. Тут я первый раз увидела, как эти трупы..... Заставляли же своих вытаскивать эти трупы, и так их прямо в степи облили бензином, и все это сожгли на наших глазах.

И.: Немцы?

Р.: Да, тут в эшелонах были только немцы. Когда мы попили, нам, кажется, дали немного еды. Такой хлеб, я его первый раз ела, такие булочки с опилками, эрзац какой-то. Мы все были такие голодные. И был еще один вагон прицеплен, не у самого паровоза, а подальше, пассажирский вагон. В нем были немки, военные немки и гражданские. Говорят, что это наши немки. Они переводили. В общем, нас — женщин и детей — поместили в вагон опять. Там где-то была солома, но и солому эту всю вымели, одни голые доски остались. Выпилили такое отверстие, чтобы опраться. Еще до этого мужчины выломали доски, а куда деваться.

Тут нас опять повезли, не знаю, сколько мы ехали, и сказали, что нас везут в Германию. Больше нам кушать не давали опять несколько дней, но сказали, что мы подъезжаем к Польше или на границу с Польшей. Мы приехали, по-моему, в Майданек⁹, или нет..... И нас тут вообще всех расформировали.

И.: В Майданеке?

Р.: В Майданеке или нет, я точно не помню..... Да, в Майданеке. Или вперед был Освенцим¹⁰, а потом Майданек. Я не помню, что было вперед. В общем, тут нас всех выгнали, построили, мужчин вообще всех увели. Сказали всем мыться. Детей всех забрали вообще отдельно. И нам здесь такую дезинфекцию сделали, всех обрызгали, всех. Потом сказали, что в этом лагере мест нет, дальше. Погрузили опять, уже в другие вагоны, повезли не в Освенцим, а он назывался Аушвиц. Когда нас туда привезли, то там сказали, что сейчас не принимают, потому что переполненный лагерь и слишком много пришло «транспортов»¹¹.

И.: В 1941 году уже переполнен¹²?

Р.: Да, везли-то отовсюду людей. Нас там на каком-то запасном пути оставили, мы там несколько дней были. Нам там давали пить, но из вагонов никого не выпускали. Единственное, там был запах, а во-вторых, музыка. Я ее ненавижу до сих пор, эту

музыку. Вы видели, может быть, когда-нибудь: люди стоят за проволокой, дети? Вот точно, точно, мы же не знали, хотя ужаса насмотрелись по дороге. Я-то еще не так, а у нас женщины многие с ума сходили. Музыка раздирающая орет, крик, детей забирают, родителей гонят за проволоку, одних сортируют. Там же бегают эти полицаи. Оказывается, тут и не полицаи, а сами те, что в лагере сидят. Тут я женщин видела, настоящих эсесовок, с плетью, с собаками. Они нас продержали и сказали, что нас не принимают. Только заглянули и спросили, есть ли евреи, и сказали: «Отправляйте в Равенсбрюк»¹³. Еще подцепили вагонов, и нас повезли в Равенсбрюк. Сколько мы ехали, столько, до самого Равенсбрюка, нас нигде не выпускали. Только один раз, какая-то красивая была станция, где нам открыли двери и дали по куску хлеба, воды не было. И до самого Равенсбрюка. Там опять не в сам Равенсбрюк, а на какой-то станции нас остановили. Потом оттуда всех вывели, построили, там опять было много мертвых, сумасшедших [плачет]. И много их сразу уничтожали, сразу убирали. Нас по пятеркам строили и по пятеркам повели в этот лагерь. В лагерь мы пришли где-то утром рано, все такие изнуренные. Там нас по пять человек построили, тут уже только женщины были, уже мужчин не было. Мы стоим, и другая колонна женщин стоит. Мы же так перекидываемся: сказали, что это немцы, за смешанный брак¹⁴. Смешанные браки — это с евреями.

И.: Наверное, немка и еврей, немец и еврейка?

Р.: Да, они, говорят, не брали детей от смешанных браков до шестнадцати лет, а когда им исполнялось шестнадцать, их забирали в лагерь. И мы до обеда простояли, тут нас посчитали и дали номера. У моей мамы был номер 41 599, а у меня 41 600, мы с ней все время были вместе.

И.: До конца?

Р.: Нет. Моя мама как-то сразу постарела, такая стала старенькая, худенькая. Потом нас повели, сказали — мыться. Прежде чем помыться, нас завели в предбанник, где стояли женщины и стригли всех нас наголо. Все, где есть волосатые части, подстригли, намазали нас и повели в баню. После бани дали нам колодки деревянные и вот эту одежду — платья полосатые. И всех распределили по баракам. Там уже на тряпочках были номера пришиты, у кого какой номер.

И.: К платью были пришиты?

Р.: Да, да. И еще, на этих самых..... на рукавах были треугольнички¹⁵. У нас, у русских, украинцев, были красные. У поляков

— желтые с черным, там была «П», а у немцев разношерстные, там, говорят, кто за что сидел. Нас привели в барак № 33¹⁶. Когда мы зашли, то там были большие, в три этажа, нары. На первых этажах, конечно, самых лучших, места занимали полячки. Жирные, как они себя называли — «фольксдойче»¹⁷, я не знала, что это такое, но, говорят, что у них кто-то из родителей, что ли, немец был, привилегия им была. Ну, а нас, русских, вообще всех туда, повыше, где похуже. Потом, не знаю, сколько мы там побыли, на работу..... Куда меня, я маленькая была. В лагере у нас «блоковая»¹⁸ была, я не знаю, как ее звали, полячка. У нее муж был наш офицер, военный. Она была старшей у нас..... А рядом с нами другие бараки были. А тут был госпиталь, «ревир» его называли. И там, первую ночь, мы очень испугались, там такое окно было, нас же стригли всех, и вдруг среди ночи крик: «Женщина в окне!» Белые волосы, вот такие вот [показывает].

И.: Это в больнице — в «ревире»?

Р.: Да, говорят, что у нее муж военный, или летчик, или кто-то — погиб, а она — актриса, и, в общем, ее забрали. Она сошла с ума и вот так бегаёт, немцы-то вообще сумасшедших сразу уничтожали.

И.: К вашему окну она прильнула?

Р.: Она не к нашему, тут дорога, и как раз «ревир» этот. Больные лежали там. Я не знаю, тогда маленькая еще была, там врач — женщина была, как мужик, когда она шла, так все в разные стороны прятались.

И.: Немка?

Р.: Немка, конечно немка, но это меня не касалось. Потом стали нас на работу выгонять из барака, кого куда распределят. Я вокруг барака подметала или так что-то помогала. Потом нас всех чуть свет, в четыре часа, будили и выгоняли на апель¹⁹, такая площадь была в лагере. Вот, допустим, стоит 33-й барак по пять человек, выходим, строимся по сто человек. В четыре вставали, нам давали какао и кусочек хлеба, чай или что-то такое. Вот мы попили, поели, и нас выгоняли на этот апель, где мы три часа стояли в любую погоду.

И.: Именно три часа?

Р.: Ну, смотрите, в пять выгоняли, в восемь приходили надзиратели, а пока нас строили свои, наши..... Блоковые строили, потом приходили немки и всех пересчитывали. Потом приходило начальство, а там, наверху, такая трибуна стоит, там немцы приходили, кругом собаки, несмотря на то, что лагерь, стены и все

под электричеством. А там же были разных возрастов люди, некоторые падали, некоторые не могли стоять, и их сразу забирали.

И.: И появлялись новые на их месте?

Р.: Ох, конечно, там же поток шел. Потом мы попали в команду Скальской. Нам говорили, что это ужасный человек. Такая полячка была, Скальская. Она тоже сказала, что она «фольксдойче», но она прямо зверь была, а не человек. Она нас старалась бить по ушам, чтобы кровь шла, она такая была ужасная, что о ней даже песню там сложили.

И.: А Вы не помните слова?

Р.: Нет, она большая, длинная песня. Я ее помню немножко:

Мы живем недалеко от Берлина, островок, окруженный водой.....
Там лежит небольшая равнина, и концлагерь с электростеной.
32 деревянных барака, кухня, бункер, ревер и бетриб²⁰,
Ходят девочки наши без яков²¹, хоть холодный март месяц стоит.

Вот видите, я уже забыла.....

На дворе еще ночь, а нас поднимают,

Пьем пол-литра горячей воды,

А затем на апель выгоняют, на котором три часа стоим.

Тридцать раз нас полячки считают, тридцать раз по пятеркам стоим,
Слышим голос Скальской полячки и гурьбой на работу спешим.

Дальше я уже не знаю, она длинная эта песня, очень длинная. Вот на этом и все. Побыли мы там, я не знаю, сколько времени, потом нас..... А она меня как-то раз побила, эта Скальская, я же не могу носить ничего, я же маленькая была. Сколько мне там было, лет двенадцать. Мама пошла к этой блоковой и говорит: «Ну, возьми нас куда-нибудь». Она говорит: «Никуда уже не надо, вас на транспорт назначили в другой лагерь». Так нас повезли в какой-то лагерь, но уже не такой. Привезут в какой-то лагерь в бараки. Проволока, но там не было крематория, в Равенсбрюке был.

И.: Вы видели?

Р.: Да, и еще там бункер был²², где наказывали людей, били, в общем, кому какое наказание. Эксперименты²³ там делали всякие, врачи. Если бы я была постарше, может быть, я и вникала бы в это, взрослые-то помнят, знают. И нас повезли в рабочие лагерь: там побудем, где нас хозяин брал к себе. Смотря какой хозяин: если хозяин возьмет на поле, то мы не голодали, там хоть картошки, чего-то. То на фабрику брали, фабрика большая

такая, ткацкая, наверное, потому что там ниток много было. Вот на этой фабрике нас гоняли.....

И.: С 1941 года?

Р.: Да, и там мы первый раз по-настоящему вымылись. Почему? Русский народ, он же предприимчивый, хозяйственный. Немки работали вместе с нами. Вот мы работаем. Вы — немка, я — русская, мы с вами не разговариваем, потому что тут стоит надзирательница. Если мне надо, я должна у нее спроситься, пока я иду, там стоит другая надзирательница. Было много жидкого мыла. Наши девочки же, женщины, быстренько выпарили мыло, такое хорошее, прямо в этих чанах с водой вымылись все, воды-то горячей много было. У них наказанием первым была стрижка. А для нас — ну, постригли и постригли, а у них — позор, у немцев позор, если стригут. Немки же встречались там с французами, итальянцами: война, мужчин нету, женщины-то молодые и девчата. Всё — заметили и в концлагерь забирали. А потом немцы начали отступать, и нас начали гонять. С одного лагеря во второй, и среди поля мы ночевали. Вы знаете, никогда не забуду город Лейпциг, пригнали нас, там столпотворение — военнопленных гонят.

И.: На вокзал Вас пригнали?

Р.: Нет, по дороге. Какой вокзал?... Вы что?... Ногами, колоннами по дорогам. Немцы отступают, немцы бегут, а военнопленных гонят, концлагерь гонят, там еще каких-то гонят и все по этой же дороге, машины едут. Там такое..... Вот такие вот пацанята [показывает] — все одеты в военную форму²⁴, и все идут пешком, да еще в шинелях. А самолеты низко бомбят. Мама говорит: «Господи, вот они когда почувствуют, что такое война». Как сейчас помню: едет женщина на велосипеде, ее немец останавливает. Останавливает. Что он ей там сказал, дал ей расписку, забрал у нее этот велосипед и отдал малышу военному, который ранец едва несет. Тогда нас с этой дороги убрали и повели лесом²⁵. Мы почти все время шли по лесу. Потом дожди начались, и нас начали гонять. Тут общая голодовка наступила. Людей, кто не мог идти, их убивали на месте. Кто стрелял, а больше прикладом били. Страшно было. Пригнали нас в большое хозяйство какое-то, не знаю даже, где это было. Люди голодные, зашли, а там соломы много, все мокрые. Я свои деревяшки бросила, тяжело идти: они не гнутся; какие-то тапки были мокрые. Мы зашли, а мама говорит: «В солому зарывайся, в солому». Мы все сняли с себя — и в солому. Я не ожидала, что солома так сушит. Сарай такой высокий, и был там второй этаж.

Люди нашли там мешки с зерном и кушали, а что потом утром началось — страшное дело..... Ужасно было, везде шли, и куда ни придем, нигде нас не берут. Лагеря мелкие уже расформировали, и с этого хозяйства мы вышли; я помню, идет колонна, и мы разъединяемся, в две колонны сказали нам идти. Давали по одной картошке вареной, одной морковке и свекле. Только картошка вареная, а морковка и свекла сырые были.....

Там мы, когда пришли, то проволоку уже сняли. Там и немцы были, и французы, и итальянцы. Говорят между собой, там же всякие люди были, сказали, лагерь будут взрывать. Из дерева какие-то были сделаны коробки или что-то, говорят, что там что-то заложено, чтобы взрывать. Мы когда пришли, уже проволоку снимали, уже всю проволоку сняли, всё. А самолет так низко летает.

И.: Советские?

Р.: Нет, американские. Я не знаю, сколько дней прошло. Дня три или меньше, многие и умирали, и кричали, а куда денешься — все забито, закрыто. Вдруг слышат: танки идут, и в лагерь вошли американцы. То хоть какой-то шум был, самолеты летали, а то тишина наступила. Слышим, начали отбивать в колокол. Выбежали вперед, говорят, французы, самые первые из лагеря, приветствовать американцев, а русские самые последние, самые несчастные люди. Мы ниоткуда никакой помощи не имели, а французы, итальянцы, поляки — они получали посылки²⁶. Особенно французы и итальянцы, они же вольно ходили там, если они в лагере были. Мы встретили этих американцев, и они открыли бараки все. Я не знаю, как там в других было, знаю, что первым долгом, когда смотрели на меня, говорила «пить», кушать не хотелось. Нас поили, поили, все люди на улицу выбежали, каша целая была, такая масса народу. Американцы не разрешали выходить, говорили, эпидемия или что-то там. Седьмого мая они нас освободили, напоили, воды было достаточно. А восьмого мая пригнали рафики Красного Креста, машины эти. Всех больных, немощных, как я, которые не могли ходить, погрузили и отвезли в город Эгер, или как его. Мы знали этот город как Эгер. Значит, этот лагерь был где-то недалеко.

И.: От Эгера?

Р.: От Эгера. Нас поместили в госпиталь, какое-то здание, видно, там что-то было, потому что там были и кровати, и все.

И.: А кто это делал?

Р.: А делали это монашки. Ухаживали за нами монашки, монашки были немки. А это была Чехословакия уже, понимаете?

Потому что немцы выгнали всех чехов, а на их место приехали немцы, и там у них был монастырь, а в монастыре были немцы... эти немецкие монашки..... Они ухаживали за нами, а вокруг были солдаты американские, сестры были американские. А врача я всего три или четыре раза видела.

Да, кормили нас там хорошо. Сколько я там пробыла, не знаю, поправилась, кормили хорошо. Потом сказали, что пришел начальник госпиталя или какой-то их там, с переводчиком, и говорит: «Мы за вами ухаживали, кто сможет помочь нам, помогите». Тиф начался, голод, людей косило. И еще тут драма. Чехи-то возвращаются домой; вот пришел в свой дом, а там немец, немецкая семья. Ей спасибо скажут? Скажут: уходи, это мой дом.

И.: Началось переселение.

Р.: Я пошла работать в тифозное отделение, оно там было изолированное, у монашек опять забрали один корпус, говорят, часть монашек убежала в Германию, не знаю как. Освободилось здание. Там половина мужская была, там меня не касалось, а половина — женщины. Был интернационал полностью: и дети, и взрослые, и какой только нации там не было. Я там поработала, может, с месяц, а может..... не знаю сколько. Схлынула эпидемия, а тут же все домой рвутся. А мне сказали... Я говорю: «Домой, домой», а мне: «Вот как закончится тиф, тогда поедете домой».

И.: Это Вы еще у американцев?

Р.: Это все я была у американцев, а потом они отправили, когда схлынула эта эпидемия. Нас собрали — и еще много таких набралось — в «транспорт». Репатриировали на русскую сторону в город Прагу, к русским. Опять тут граница, опять проверяли. Но нас уже не в теплушках везли, а везли в нормальном поезде.

И.: Как граница? Перед въездом в Прагу была граница?

Р.: Да, зона американская и зона русская.

И.: Через Германию Вы ехали в Прагу?

Р.: Я не знаю, как нас везли, знаю, что Пильзен проезжали, а потом надо в Прагу ехать. Получается, зона американцев и зона русских — это граница. Американцы идут по поезду, а нас там посадили..... Кто там ехал, какие пассажиры, я не знаю. В общем, знаю, что купе были битком набитые. Я там сидела. В общем, нас рассовали по вагонам. Заходят вот с такими будками. Первый раз полицаев увидела, как в кино, вот с такими палками. Все. Заходят полицейские, там пограничник и переводчик. А нам дали бумажки, что мы из концлагеря.

И.: Американцы дали?

Р.: Да, но они написаны на американском языке, на чешском и на немецком, да еще и орлом печать поставлена. А больше у нас нет никаких документов. Уж они эти документы и так, и так, потом спрашивают: «Вещи Ваши где?» А там сидит эта..... и показывает, не говори, что вещи есть. А у меня никаких, вот такая сумочка, и еще мне монашки дали, знаете, такой плащ, черный с накидкой, сейчас носят такие плащи, руки продернешь туда. Американец сказал: пусть едет, все нормально. А тут крик, кого-то из вагонов выбрасывают, не пропускают в общем. И мы поехали. А там уже наши русские Иваны зашли. Тут тихо и спокойно все. В Прагу прибыли, спросили, куда обратиться, нам сказали — проспект маршала Сталина.

И.: Это же, наверное, главная улица была?

Р.: Где-то в городе, я знаю, что проспект такой. Такое солнце, так хорошо, так вольно. Пришли туда, нас приняли, и мы опять стали транспорт ждать, а потом в Россию отправили.

И.: Что значит «в Россию отправили»?

Р.: О, это много говорить. Не интересно.

И.: Все интересно.

Р.: Ну, что в Россию... Дорогой нас ограбили. Когда я работала..... уже у наших, у русских, привыкла [смеется]. Там посмотрели и видят: написано, что я работала в тифозном отделении. О, говорят, а нам в санчасть нужна санитарка. Я говорю, конечно, пойду. Ну, мы там жили с Шурочкой, в общем, все свои были, русские.

И.: В Праге?

Р.: Да, в пересыльном пункте. Там спросили, а я сказала, что у меня никого нигде нет. Я поправилась, похорошела, волосы вот такие. Они мне говорят: «Лидочка, что ты поедешь домой? Пока наша часть здесь, так мы тебя устроим на фабрику, где шьют обмундирование». Но я хотела домой, вдруг мама выжила, а вдруг? И я поехала.....

И.: В Крым приехали?

Р.: Да, приехала. Никого знакомых нет. Исчезли все. И так-то их тут было мало: сколько мы тут пробыли... Ни двора, ни кола, ничего нету. Никаких документов. А на тебя тут смотрят: «А, она в Германии была». На работу — где мне работать, работы нет. Жилья нет, так и проскиталась я там. Потом устроилась на завод «Зерно» работать. Сперва ученицей лаборанта, потом пошла на курсы. Закончила курсы лаборанта, прямо на заводе «Зерно». Жить негде. Там военные кругом..... Там же частное жилье, пускали военных, а кто меня возьмет... А потом встретила..... Захо-

жу как-то к директору, и он говорит, мужчину встречая (а это был врач), говорит: «А это дочка Елизаветы Прохоровны». Вот он взял меня к себе на работу, потому что он с мамой был знаком, постольку, поскольку эвакуация там была, зерно вывозили.....

И.: А вообще не брали на работу?

Р.: Нет, нет. Ее и не было такой, а у меня ни знакомств, ничего нет. Жить мне негде, какие тряпочки были, все растащили. Он говорит: «Поехали ко мне на южный берег, в Симеиз». Директором «Красного маяка», санатория, он был, или главврач. Наверное, главврач, потому что он врач был по специальности. Тогда — что директор, что главврач, а завхоз тогда совсем другой был. И я согласилась с ним поехать. Правда, приехали с ним — здесь пусто, весь южный берег пустой. Я растерялась, а он говорит: «Занимай любую комнату, в любой дом заходи и живи». После войны в Симеизе были квартиры свободные. Ну и все, я обрадовалась, там даже кровать была, и шифоньер был в комнате. Я работала официанткой. Научилась. А какие у меня документы? Пошла в школу. Когда началась война, школу закрыли, и там был госпиталь, а учителей никого нет. Знаю, что одна учительница математики была. Я пошла в школу и объяснила. Они говорят: «А где Ваши документы были»? Ничего нет. А мы еще ходили на курсы, когда началась война: ну, как это, оказывать первую помощь..... Роковские, какие-то такие. Мы их закончили, там перевязывать, раненым писать письма, все ходили туда. «Вы пойдите в Горздравотдел, и Вам должны дать справку, что Вы окончили эти курсы». Ни за что, ничего не дали. И что семь классов окончила, ничего не дали. Немножко погодя я замуж вышла здесь.

И.: А когда замуж вышли?

Р.: В каком году? В 1947 году я вышла замуж.

И.: А как же Вы встретились с мужем?

Р.: Вам это интересно? Абсолютно. Я работала официанткой, санаторий закрылся уже, я работала в рабочей столовой. Карточки были, и те, кто питался в рабочей столовой, отдавали карточки, чтобы я получала хлеб. Вот я получу хлеб, они приходят на обед, и я отдавала им этот хлеб. А ходила я хлеб покупала в магазин, как положено. Вот в магазине со своим мужем и познакомилась. А мой муж, он прошел три войны. Как ушел в 1938 году, так только его — инвалида — в 1945 году привезли, сопровождающая сестра. Он здесь жил в Голубом заливе, в санатории. Раньше он назывался ЦК ЖД: был санаторий для железнодорожников. Мы с ним в магазине и познакомились, вот и вся любовь.

И.: Как познакомились?

Р.: А так — поругалась. Он идет, а я говорю: «Я тебя без очереди не пущу» [смеется]. Это и все наше свидание. А на третьем я ушла жить к нему.

И.: Понравился?

Р.: Хороший был.

И.: Любили?

Р.: Да.

И.: А он?

Р.: Он тем более.

И.: Хорошо жили?

Р.: Прекрасно, мы с ним прожили пятьдесят семь лет. Сегодня как раз будет полгода, как он умер. Хорошо прожили, дочка у нас.

И.: А когда же дочка родилась?

Р.: В 1948 году.

И.: А кем муж был?

Р.: Муж был простой рабочий, он на винограднике работал.

И.: Скажите, пожалуйста, а Вы ему рассказывали про лагерь?

Р.: Конечно.

И.: Сразу рассказали?

Р.: Да, он знал. Я никогда не скрывала, поэтому меня, наверное, не очень-то и жаловали, как говорится. Потом уже начали признавать.

И.: Он Вам сочувствовал?

Р.: Да, он меня не обижал, хорошо жизнь прожили.

И.: А дочери когда рассказали про лагерь?

Р.: Да, она тоже знала.

И.: А сколько ей было лет, когда она узнала?

Р.: Наверное, лет двенадцать, тринадцать. Она — так, мельком... Знаете, это все не разглашалось.

И.: А Вам мама все сразу рассказала в подробностях?

Р.: Первое, конечно, не в подробностях, а потом уже, когда Хрущев отменил все эти ограничения, вот тогда уже. Когда Хрущев отменил, послабление вышло. Я тогда пошла в вечернюю школу. Учиться хотела, а у меня же никаких документов. Я пришла в Ялтинское медучилище, в общем, была там. Пришла туда и объясняю, что вот так и так, а там такая грубая женщина, корявая вся такая: «Еще чего, у нас заслуженные не могут поступить учиться, а я вас буду принимать!» Я быстренько-быстренько оттуда, и больше туда не приходила. А потом стали образовываться вечерние школы рабочей молодежи. У меня и дочка была, и

муж, и я работала, и в вечернюю школу ходила. Окончила я восемь классов, иду опять в это училище. А они говорят: мы принимаем на базе десятилетки. Ну, я повернулась и ушла, и встала на десятилетку. Закончила.

И.: И опять пошли в училище?

Р.: И опять пошла.

И.: Директор сменился?

Р.: Ну да, сменился. Прихожу, а мне говорят: мы принимаем на базе восьмилетки. Я говорю: какая мне разница. Вот, я закончила два раза десятилетку. И четыре года проучилась. Ездил из Голубого залива в Ялту (еще тогда этой трассы не было, ее начали строить). Четыре раза в неделю, четыре года. После работы. А на них же все, они мне помогали. Я уже только работала и училась, а дома я уже ничего. У меня была еще свекруха, и дочка, и муж.

Дочь респондентки: Мать не успевала конспекты записывать, когда диктуют. Отец возьмет у женщины (вместе учились), все перепишет.....

Р.: На второй день я еду с готовым конспектом. В общем — все, проучилась. Так вот и прожили. А работала я в санатории им. Ленина; там я проработала тридцать восемь лет, кажется. В общем, я и официанткой работала, и санитаркой работала, и сестрой-хозяйкой работала. Хочу Вам только сказать, прошло энное время какое-то, когда мне сказали: «Ты возьми напиши в какие-то инстанции, почему тебе не дали этот документ? Если бы тебе дали документ, что ты закончила эти курсы, то ты могла бы устроиться на работу, и тебя должны были принять». Я написала, но ни ответа ни привета. Когда я получила диплом — это сколько лет прошло — вдруг, однажды, мне приходит это письмо. Вы можете явиться туда-то и туда-то, в общем, мы пересмотрим это дело и можем выдать Вам эту справку. Она мне не нужна.

И.: А ребенок один у Вас был?

Р.: Да. Тоже медсестра, в этом же училище училась.

И.: Работает еще?

Р.: Работает, в санатории Боброва тоже много лет. Сколько? Лет сорок, тридцать пять.

И.: В каком же году Вы на пенсию вышли? В свои годы или после еще работали?

Р.: После работала. В пятьдесят пять лет пошла на пенсию, а потом еще лет восемь работала. И еще бы работала, если бы транспорт у нас..... Нам дали однокомнатную квартиру с мужем, газ был, ванна, тепло. Но это еще советская власть была.

И.: В Ялте?

Р.: Нет, в Коктебеле, там, где теперь аквапарк. Вы не знаете.

И.: А Вы в Бога верите?

Р.: В душе. В церковь не хожу, ненавижу попов.

И.: А когда вообще задумались об этом?

Р.: Вы знаете, мы всегда, наверное, думали об этом. Нас же перегоняли из лагеря в лагерь. Но ведь не везде лагеря есть. Вот взял меня хозяин работать, а потом назад, в лагерь же не повезет. Куда? Так однажды мы попали в Дармштадт, красивейший город. И нас повели в тюрьму. Привели нас в тюрьму, закрыли в камеру. Там как: знакомства, туды-сюды, там и полячки были, всякие были. Как раз перед Рождеством. И полячка говорит: «Рождество». А мы все говорили на иностранном, все иностранные языки знали: и польский, и немецкий, и французский, и итальянский. Вот полячка говорит: «Прошу пани». А я говорю: «Спасибо». Как-то так. И француженка говорит: «Мерси», а мы: да, да, да. С каждой нацией по слову. Вот она сказала, что Рождество идет, и она там калядовала и учила нас, она пела, и мы с ней пели. «Христос маленький родился» — она по-своему, мы по-своему. «Плачет бедный, не дала ему мать цукерки».

И.: Вам не мешало то, что она католичка?

Р.: Нет. А немцы в основном католики. Не мешало.

И.: В общем, Вы верите в Бога, единого для всех национальностей и конфессий.

Р.: Да, а все равно Бог один. Вот я работала у хозяина, жена у него ничего была. У них магазин был. Как раз битва под Сталинградом была. У него три сына, два сына в армии, а один — Фердинанд, молодой, он еще не в армии. Но он работал, наверное, еще недалеко от Дармштадта, потому что он на велосипеде ездил на работу, а сколько, и как село называлось — не знаю. И от сыновей долго не было писем, и она меня спрашивает, хозяйка: «Лида, как у вас там, сильно холодно, зима, мол»? Я говорю: «Да, у нас холодно». Я ей объясняю, что мы ходим в шубах, пальто. «А солдаты как, они где живут»? А я говорю: «Как где? В канаве». — «Как в канаве? Холодно». А я говорю: «Шубы надо, шапки». Ну, в общем, вот так объяснила. Потом я узнала, что один под Сталинградом у них, а один во Франции. А когда началась битва под Москвой, их из Франции — прямо под Москву. Я, как сейчас: сижу, перебираю картофель, там у них, она прибегает и говорит: «Лида, а как Москва»? Я говорю: «Ну и что Москва»? Думаю: неужели немцы уже в Москве? А она говорит: нет. Из Франции, как я поняла, их послали в Москву. «Как

там»? Я говорю: «Мороз, холодно». Как я ей объясню? Я показываю: надо перчатки одевать, иначе пальцы отвалятся. В общем, я ей обрисовала, что такой мороз, и могут обморозиться руки и ноги, показала, что когда нам холодно, то мы щеки закрываем или снегом трем. «А как же солдаты»? — «Не знаю». Что я ей скажу? Тогда я узнала, что она переживает: один под Сталинградом, писем нет, один под Москвой. И она все переживала за этого, за третьего.

И.: Молилась?

Р.: Да. Ходила в церковь, они там все, все. И как раз тоже, этот праздник, Рождество или Новый год. Она говорит, что все шьют игрушки. Сами шили игрушки и раздавали. Я прихожу, смотрю: вот таких десять коробочек картонных. Я говорю: «Что это такое»? Она говорит: «Для того, чтобы сыну отправить посылку, я должна испечь десять бисквитов». Их запечатывает и отправляет на фронт, раненым или солдатам раздают там.

И.: И за это она получала возможность.....

Р.: ...отправить посылку. Иначе у нее посылку не примут. Она должна десять бисквитов испечь и отправить.

И.: Лидия Федоровна, Вы, конечно, не помните своего отца, это понятно. А мама Ваша была верующая?

Р.: Заядлая коммунистка. И отец был коммунист, мама говорила.

И.: Вы из Сибири? И там начинали учиться?

Р.: Да, где-то там начинала учиться, хотя я ни одной школы не заканчивала определенно, меняла школы среди года.

И.: Мама с Вами занималась?

Р.: А как же, конечно.

И.: Она хотела, чтобы Вы были грамотным человеком. А библиотека дома какая-нибудь была?

Р.: Были книги, но я к ним не касалась. Книги у меня были всегда, книг было много.

И.: Партийные, наверное?

Р.: Ну да, мама была стопроцентная коммунистка.

И.: Скажите, а как Вы узнали, что началась война? Вы помните свои впечатления?

Р.: Ой, ужас. Я сплю, мама вставала рано. У них шли собрания, разговоры о войне или еще что-то. Я сплю утром рано, мы были в совхозе, все шли на уборку, урожай-то был шикарный в тот год. Такого урожая, говорят, никто не помнит. В 1941 году все уродилось: овощи, а хлеба какие были! Все шли на уборку, и школьники, хотя в школе было лето, но все шли на уборку, и с

производства, все. Слышу, прибегает мама, плачет. Крик, шум, все галдят. Я проснулась, никак не могу понять, что такое. Она говорит: «Лидочка, доченька моя, началась война». Я говорю: «Как война?! Сказали, войны не будет у нас!» Все бегут, одеваются. А знаете, на столбах висели такие...

И.: Репродукторы.

Р.: Да. Даже не такие, как в кино показывают, а как радио, черная тарелка висела. Сейчас будут объявлять всем войну. Все село, все люди, которые пришли на уборку, все бегут, и эти вот бегут, на лошадях, тогда же машин не было, не было машин. Эта «полупорочка», она же нарасхват была, машина. Кругом лошади, можар. Вы знаете, что такое можар? Это большущая телега, в эту телегу можно вагон нагрузить. Открытая, и в этой телеге перевозили арбузы, дыни, овощи, все перевозили. На лошадях люди скачут по степи, бросают все, и все бегут. Это какой-то кошмар был.

И.: В каком году Вы переехали из Сибири?

Р.: Мы же приехали отдыхать в 1941.

И.: Вы жили не у себя дома, получается?

Р.: Нет, конечно. У нас была какая-то комната, как сказали, от банка комната, где нас поселили. А [смеется] из Сибири уехали, там все осталось. Писала туда, но ни ответа ни привета. А здесь — в чем вышли, с мешками, тогда же рюкзаков не было.

И.: Вам дали комнату для временного проживания, пока мама лечится в санатории?

Р.: Да, да.

И.: А в школу Вы ходили?

Р.: Ходила.

И.: Вы здесь проучились практически несколько месяцев?

Р.: Да, да.

И.: Скажите, что Вы испытывали, когда встретили немцев и татар...?

Р.: Ненавижу.....

И.: Они шли Вам навстречу, шел поток. Ваши впечатления? Какими Вы их увидели, немцев и татар?

Р.: Вы знаете, я Вам сейчас скажу. Во-первых, машина осветила фарами, мы подумали, что это машина, которую мы ожидали, Вы понимаете. Вдруг из нее выходят. Сперва — гражданские, немцы. Мама говорит: «Всё, немцы». И она аж присела. И когда смотрю, а они: «Хальт, хальт, хальт!»²⁷ Как собаки, вот так: «Гав, гав, гав». И тут эта татарва. А мама по-татарски хоро-

шо говорила. Она же с Сибири, с Павлодара, а там их полно. Она же их учила.

И.: Но мама русская была?

Р.: Конечно, русская.

И.: Вы сидели, ждали эвакуации, и вдруг появилась эта машина. Вас на нее посадили и повезли в Симферополь?

Р.: Да, там же было полно людей. И даже мама говорила, только потихонечку: «Смотри, знакомые».

И.: Вы думаете, что те татары, которые приехали с немцами, — они и развозили немцев по домам, в которых знали, что живут политические, коммунисты?

Р.: Да, да. Они же все базы партизанские продали, наших людей, которые в лесах были.

И.: А в Симферополе уже русские были пособниками немцев?

Р.: Конечно. Им за это паек давали. Смотря какой человек: есть которые зверски обращались, есть — так... Тогда еще не было старост, немцы только зашли.

И.: А как же они выделались? Почему Вы думаете, что эти люди были пособниками немцев?

Р.: А кто? Вот у нас здесь недалеко живут, через дом, так они немцев с цветами встречали. Им потом по двадцать пять лет давали. Жили, как и живут.

Дочь респондентки: А тетки вернулись, они меньше отсидели, но потом уехали.

И.: Прямо семья встречала?

Р.: Да, да.

И.: Русские?

Р.: Да. Так что всякие были люди. На стадионе я ничего не видела. Мы там были одну ночь и полдня. Водоворот был: одних уводили, других избивали, третьих толкали. Я запомнила, что очень много было детей.

И.: Вспомните, Вы приехали в первый Ваш лагерь — Майданек...

Р.: Первый раз же... Выстроили в ряд. Раз, два, три, четыре..... Пофамильно, пофамильно.....

И.: То есть, у них списки были?

Р.: Да.

И.: А кто же эти списки составил?

Р.: Ехали-то мы в вагонах, нас сажали в вагоны, записывали.

И.: Вы подходили, говорили фамилию и входили в вагон?

Р.: Я за Вами, другой за мной, по цепочке, а тут же эти стоят, немцы. А где и русские стояли.

И.: Наверное, русские переводили немцам?

Р.: Конечно, там переводчики были.

И.: И Вы входили в вагон и называли фамилию?

Р.: Еще до вагона, мы стоим по группам. Допустим, в вагон надо сто человек. Вот — группа, вот — группа, вот — группа. Приходит он и начинает переписывать.

И.: Как долго Вы были в Майданеке?

Р.: Недолго.

И.: И что же Вы там делали?

Р.: Ничего. Ничего не делали. Нас вымыли. Там еще не стригли. Там вымыли, дезинфекцию такую вонючую провели, ужасную.

И.: Это делали женщины?

Р.: Да, полячки в основном. Как только нас построили в бараке, так и помыли. Или не помыли нас, я уже не помню. Наверное, помыли, потому что воняло сильно. Построили всех в один ряд, барак длинный был. И заходит немец, а также женщины из СС. Я еще не могла понять, что это СС. И черепа²⁸. Вот нас построили, и он вызывает. Это позже..... Нас выстроили, так, и этот самый немец-эсесовец, здоровый такой, красивый мужчина, и немки, все стоят. Какие-то гражданские, но я не знаю, я только немцев этих помню. Вот он читает по списку: «Иванова, Петрова.....». А люди теряются. Ты должна быстро идти и вставать на ту сторону, переводчик перевел: «Как только назовут, быстренько выходите и вставляйте друг за другом на этой стороне». Как только чуть замешкаешься, как он даст тебе этим ботинком, сапогом.

И.: А Вас он ударил?

Р.: Нет, нет. Я только рассказываю.....

И.: Он подходил и бил?

Р.: Люди проходили мимо него. И становились на другую сторону. Быстро, быстро. Все люди проходили быстро, и вдруг он называет фамилию и останавливается. Оказывается, с нами ехала, мы не знали, ее посадили где-то. Никто же никогда не скажет, кто он, ни фамилию не назовет, ничего. Он по фамилии ее назвал — и как подавился. Говорит: «О, Герта». Тогда мы решили, что она немка. «Ты — юде»²⁹, — еврейка была. «Почему ты Герта? Ты же Сара, Сара, Сара!» Она полная такая была, стала что-то говорить, а он гык на нее, так подфутболил, она так летела... За ней вторая. Вроде немка была, в общем, я не разобрала. На эту он так кричал, что она еврейка, а назвалась немкой. И только потом, уже в лагере, мы узнали, когда в Равенсбрюк прибы-

ли, узнали, что у нее мать немка, а отец еврей. Их забрали сразу, а у них было трое детей, забрали сначала старшую сестру, в Равенсбрюке была уже вторая. Ей исполнилось шестнадцать лет, вот ее и забрали. Она нам после — когда это — после Майданека — объяснила. Их или на поселение, или... я не знаю точно. И еще у них остался брат.

И.: Как же выглядел Ваш барак?

Р.: О, барак..... Вы видели, у нас такие вот бараки стоят? Вот такие бараки, из досточек, там стандарт был, чтобы в барак помещалось три яруса.

И.: Там были люди разных национальностей? Вы успели познакомиться?

Р.: Конечно, но постольку поскольку: никакой дружбы, никаких откровений, ничего.

И.: А конфликты были?

Р.: Я не знаю. Может, были. Но с поляками никто не дружил.

И.: А почему?

Р.: Они сильно нас предавали, сильно нас обижали.

И.: А как это проявлялось?

Р.: Ну, как проявлялось. Поляки, они нас не считали за людей. Они на работу не ходили там. То больной, то еще какой-то, такие жирные полячки были, ненавижу.

И.: А им это разрешалось?

Р.: Ну, наверное, разрешалось. Всякие отводы, там у них полячки работали на кухне. В общем, Равенсбрюк, считай, был как польский лагерь³⁰. В Майданеке я не была, нас там только помьли.....

И.: И сразу в Равенсбрюк?

Р.: Нет, нас повезли в Освенцим, но там нас не приняли, вроде бы. И оттуда нас увезли, мы даже в Освенциме в самом не были..... Только видели этих людей за колючей проволокой.

И.: Вы очень много передвигались по Германии. Вы работали у немцев, общались с немцами. Какое они на Вас производили впечатление?

Р.: Неплохое. Всякие же немцы были.

И.: А расскажите какие-нибудь эпизоды.

Р.: Ну, допустим, у хозяина. Я вышла в поле. На меня вот так смотрели, на русскую, меня не оскорбляли, ничего. Это хозяин. Они все работали, никто ничего. А какой-нибудь замухрыжка, такой же батрак у немцев, он на тебя может и руку поднять.

И.: Тоже немец?

Р.: Да. Он считал себя выше. Вот я у хозяина работала, его жена — она мать, переживала за своих детей, и хозяин переживал. Хозяин мог на тебя и руку поднять и наброситься [смеется]. Долго писем не было со Сталинграда, он прибежал злой, схватил лопату и на меня лопатой. А у них еще француз работал. А француз смотрит, у него вот такие глаза. Лопочет по-немецки что-то, а я там разбираю. Поняла, что от сына нет писем, значит, я виновата. А я, не долго думая, и сама на него лопату. Он меня сразу отправил.

И.: А француз как относился?

Р.: Хорошо.

И.: А в чем это выражалось?

Р.: Ну, разговаривали. Он уже три года был у этого хозяина. Француз был военнопленный. А военнопленных французов в этой деревне было много. Они жили, там у них какая-то казарма, но я не видела, не знаю. Он у хозяина днем работал, а вечером он идет в эту казарму. И там эти все французы обитают. У них там какая-то охрана, но они все у хозяина как вольные ходили. Красный Крест помогал, им посылки посылали. Француз мне что-нибудь принесет. А я в этой деревне одна русская была, и на меня приходили смотреть. Потом я молоко возила. Коров доили, молоко сольем, а немцы все молоко сдавали. Но раз в неделю получали масло, сырки, в общем, не знаю, как там было. Все, что надоишь, они сдавали. Она только на кофе оставляла. И все идут, со мной здороваются.

И.: Французы на Вас ходили смотреть?

Р.: И французы, и немцы. Молоко сдаем, со всеми уже познакомились, «морген, морген»³¹.

И.: Вы думаете, что приходили смотреть именно на Вас? А почему Вы так думаете?

Р.: Я же одна русская... Какая я: ведь у русских вообще рога росли [смеется].

И.: Лидия Федоровна, Вы хорошенькая были?

Р.: Кто его знает: стриженная, худая. Да что там, измученная была..... У хозяина все-таки питались.....

И.: А они Вас отдельно кормили?

Р.: Конечно.

И.: А жили Вы у них где?

Р.: У них был новый дом двухэтажный, там и магазин был. А старый дом, там всякое хранилось, там комнатуха была. С одной стороны «гроссмутер».

И.: Бабушка.

Р.: Его или ее, не знаю. Ой, как она меня ненавидела. Старая была, но она меня: «Рус, рус, рус!» Как бы это — русским духом пахнет. Не дай Бог, если я зайду за дверь ее комнаты. Я же не знала, я прохожу, мне надо что-то взять. А хозяйка сказала: «Лида, не ходи туда, ничего не трогай».

И.: Хозяйка к Вам хорошо относилась?

Р.: Да, да.

И.: И как Вам немецкая кухня?

Р.: Не знаю, я голодная такая была, что мне все вкусно было.

И.: Но отличалась от нашей?

Р.: Я бы не сказала. Дело в том, что каждую субботу, допустим, первое или второе готовят. В субботу они всегда варили или суп фасолевый, или суп гороховый, такой насыщенный. Нравилась мне у них тушеная капуста, красная капуста.

И.: А когда Вы первый раз попали в немецкую семью?

Р.: Нас привезли много. Наверное, заявки были на сколько-то человек, в общем, я не знаю. Нас привезли в этот городок или район человек пятнадцать, двадцать, мужчин и женщин..... Нет, мужчин не было... В общем нас привезли, я так поняла, что это был горисполком.....

И.: В ратушу, наверное?

Р.: Ратуша, охрана. Нас привезли сколько-то человек, не знаю, сколько, но много. Я видела, что тот, который нас привел, мужчина этот и женщина, они нас привезли и сдали. И я видела, как они там расписывались. Нас же десять раз на день всех считали. Вот нас выстроили всех, и они приезжали и выбирали. Он меня выбрал, взял к себе. У него три сына, а девочек у него нет. У него работала русская, а ему привилегия: у него два сына на фронте.

И.: А младший как к Вам относился?

Р.: Фердинанд? Ничего, нормально. Как он относился: «здрасьте, до свидания» — когда скажет, когда нет. Многие думали, что мы, русские, ничего не умеем делать, а мы и стирали, и убирали.

И.: Но на фабрике, они же работали рядом с Вами, как там было?

Р.: Это сложное дело было. Разговаривать нельзя было с ними.

И.: А у них не было попыток поговорить?

Р.: Ну, может быть, какие-то и были. Были попытки, потому что наши девушки делали побег. Мы работали на фабрике, и нас привезли сперва одну партию на фабрику, нас привезли на фаб-

рику, и еще барак не был там готов. Потом другая партия приехала и сразу эти эсесовки, среди них тоже есть хорошие, есть плохие. Которая приехала с нами первая, старшая надзирательница, их называли «ауфзерки»³², я не знаю, на каком это языке.....

И.: На немецком.

Р.: И она была красивая женщина, но зверь. Женщина уже в возрасте была, у нас на фабрике. Вот они убирают эти машины там, она подходит к немке и спрашивает: «Ну, куда вот это все девать»? Немцы, они же тоже боятся. Она ей объясняет. Раз та сказала, эта взяла тряпку или что-то и начала выгребать. Эта подходит, за шиворот ее и в кабинет. Она с немкой разговаривала — раз, мало того, что она ей объяснила, так она еще не сказала ей спасибо. Вела она себя с ней развязно, или не этично, или Бог его знает что. Она ее так била, а та женщина так кричала... Все рядом. Немцы смотрят: вот такие глаза, а что они могут сделать? Эти между собой переговариваются, а эта — старшая; наверное, субординация соблюдалась. Она оттуда вышла — не вышла, а вылетела, как она ее подфутболила, в эти двери, она упала, вот такие глаза, вся синяя. Как сейчас ее помню. В ее возрасте — ей, наверное, за пятьдесят было. Мы же такие худые были. И она упала и говорит: «Все, убей меня, убей». У немцев же это позор, а тут все немцы стоят. Мы стоим, не можем работать, а цех-то большой, а мужики-то мастера. Через пять минут приходит мужчина, хромой, большой, мэр города.

И.: А зачем он пришел?

Р.: Он пришел, и тут же пришел начальник лагеря, где мы находились...

Но Вас уже ждут, приехала машина.

И.: Спасибо Вам за интервью.

Комментарии

Биографическое интервью Л. Ф. Чулановой, бывшей узницы концентрационного лагеря Равенсбрюк, позволяет выявить не только особенности личности, сформировавшейся в критических условиях, но и специфику экстремальной ситуации, в которой оказалась респондентка. Анализ интервью помогает также оценить и воспринять духовный опыт выживания, полученный бывшей заключенной.

Одним из главных факторов, повлиявших на жизнь Лидии Федоровны в лагере, а также ее воспоминания о Равенсбрюке и времени пребывания в Германии, являлся юный возраст угнанной в Германию девочки. Будучи подростком, она иначе, чем взрос-

лые, воспринимала многие события своей жизни в годы войны. Например, принудительная стрижка волос в момент прибытия в лагерь не рассматривалась ею как нечто унижительное, что было характерно для подавляющего большинства женщин старшего возраста. Очевидно, что для девочки с не сформировавшейся еще женской идентичностью потеря волос не была столь болезненна. Кроме того, юная Л. Ф. Чуланова просто «не вникала» во многие вопросы, бывшие уделом взрослых, ей удалось остаться в стороне от тяжелых лагерных работ и жестоких наказаний.

Респондентка была угнана в Германию вместе с матерью, воспоминания о которой проходят красной нитью сквозь все интервью. Именно мать старалась обеспечить дочери, насколько это было возможно, элементарные условия для выживания, защищая ее от тягот лагерной действительности. Скорее всего, благодаря матери Лидия Федоровна не узнала многих ужасов повседневности Равенсбрюка.

Одной из важнейших тем в интервью являются взаимоотношения респондентки с представителями других национальностей и этнических групп, прежде всего с немцами, поляками и татарами. При этом следует учитывать тот факт, что Л. Ф. Чуланова, прожив всю свою сознательную жизнь в Украине, воспринимает себя как русскую.

Отношение к немцам у бывшей узницы концентрационного лагеря Равенсбрюк весьма дифференцировано. С одной стороны, они — враги. Поэтому первое впечатление от встречи с солдатами вермахта — шок, а их речь — «лай собак». Отрицательно и отношение респондентки к эзэсовкам, которых она характеризует как «зверей», отмечая, однако, при этом их физическую красоту. Гражданское население Германии оценивалось Лидией Федоровной более позитивно. Она ставит акцент на том, что «немцы всякие» бывают, подчеркивая лучшее отношение к ней ее хозяев по сравнению с их «батраками». Скорее всего, осознание собственного превосходства сочеталось у тех немцев, кто брал в свое хозяйство «восточных рабочих», с заинтересованностью в высокой производительности их труда и хорошем поведении. Если хозяев что-то не устраивало, они считали для себя недостойным выяснять отношения с «недочеловеками» и без промедления отправляли последних в концентрационный лагерь. Немецкие же «батраки», испытывая тяготы военного времени, иногда компенсировали собственные невзгоды жестоким обращением с теми, кого в соответствии с установками нацистских идеологов считали «расово неполноценными». Нельзя не отметить, что были и немцы, которые, по вос-

поминаниям Л. Ф. Чулановой, относились нейтрально к русской девочке. В то же время, оказавшись в немецкой деревне в качестве единственной представительницы Советского Союза, Л. Ф. Чуланова была всю свою жизнь убеждена, что окружавшие ее немцы испытывали к ней особый интерес и даже приходили посмотреть на нее, чтобы узнать, как выглядят русские.

Главное чувство, которое Л. Ф. Чуланова испытывает к татарам, сформировалось у нее в годы войны — ненависть. Татары ассоциируются у нее с предателями, выдававшими за вознаграждение партизан. Называя их «татарвой», респондентка создает тем самым собирательный отрицательный образ приспешников «собак — немцев». Одним из оснований для такой оценки, кроме описанного Л. Ф. Чулановой факта измены родине, скорее всего является предательство крымскими татарами ее матери, которая хорошо знала татарский язык, учила их.

Столкнувшись в Равенсбрюке с поляками, респондентка оценила их нелицеприятно. Плохие взаимоотношения между узницами из СССР и Польши отмечались большинством респонденток, прошедших через опыт заключения в Равенсбрюке, иначе вспоминали о поляках лишь некоторые женщины-военнопленные. Интервью с Л. Ф. Чулановой только подтверждает эту тенденцию. Будучи ребенком, она воспринимала полек-заклученных как «больших» и «жирных», не желавших спать на неудобном верхнем этаже трехъярусных нар, а также избегавших тяжелых лагерных работ. Следует отметить, что поляки действительно могли позволить себе многое в Равенсбрюке, так как являлись самой многочисленной группой узниц и занимали многие лагерные посты.

Представители других наций, с которыми Лидии Федоровне пришлось столкнуться во время пребывания в Германии, по ее словам, в целом положительно относились к ней, подкармливая, давая одежду или просто морально поддерживая. Свою роль при этом, скорее всего, играл не только возраст девочки, но и более бедственное положение представителей СССР по сравнению с заключенными из европейских стран.

Интервью с Л. Ф. Чулановой является примером неотъемлемых составляющих лагерной жизни — повседневных слухов и мифов, а также особого отношения к религии. Отсутствие информации о положении дел на фронте или о планах руководства лагеря, ощущение ирреальности происходившего — все это приводило к мифологизации лагерного пространства. Узницы пытались самостоятельно додумать то, чего они не знали, выстраивая для себя тем самым хотя и придуманное, но определенное будущее.

Мифы, рождавшиеся в лагерной среде, были стереотипны. Примером может служить миф о взрыве лагеря незадолго до освобождения, приводимый Лидией Федоровной. О нем свидетельствуют мемуары многих узниц Равенсбрюка³³, не веривших в то, что нацисты могли оставить их на свободе, не уничтожить как свидетелей содеянного в лагере. Заключение были убеждены, что Равенсбрюк будет заминирован. Реальных доказательств готовившегося взрыва лагеря, однако, не имеется.

Религия и специфика религиозности людей в годы войны — один из важнейших вопросов, всплывающий в большинстве воспоминаний и интервью так же, как и у Л. Ф. Чулановой. Для нее, выросшей в семье убежденных коммунистов, война стала поворотным моментом в отношении к Богу. С одной стороны, Лидия Федоровна сохранила свойственное ее родителям отрицание служителей культа — священников, с другой — необходимость духовной поддержки в кризисный момент жизни, когда будущее, казалось, могло обеспечить лишь чудо, привело девочку к вере в Бога. Следует отметить, что специфической чертой религиозности людей в экстремальных военных и лагерных условиях стало единение представителей различных христианских конфессий — православия, протестантизма, католицизма. Это выражалось в общей молитве на разных языках, обращении к одним и тем же иконам, а в итоге в признанной всеми заключенными формуле: «Бог один для всех». Такое отношение к вере, сформированное в годы испытаний, Л. Ф. Чуланова сохранила на всю жизнь. Анализ всех проявлений религиозности в экстремальных условиях лагеря и плена ученым еще предстоит осуществить. Очевидно одно: в моменты, экзистенциально важные для человека, может происходить радикальное изменение его мировосприятия и миропонимания. Одним из последствий этого процесса в Равенсбрюке являлся поиск духовной опоры, находившейся вне сферы разумного. Многие, не веровавшие ранее заключенные, обратились к Богу, отмечая как несущественные все межконфессиональные различия.

Возвращение в Советский Союз и борьба не только с объективными трудностями, голодом и разрухой, но и с негативным отношением к себе сограждан стали важной составляющей биографии Л. Ф. Чулановой. Лидия Федоровна была освобождена американцами, однако отличный больничный уход и питание, которыми союзники обеспечили узников концентрационных лагерей, не остановили последних в намерении вернуться на родину. Вспоминая о моменте пересечения границы между американцами и «русскими Иванами», респондентка характеризовала его как пере-

ход из беспокойной, нервной обстановки в мир спокойствия и тишины — мир «своих».

Первые положительные впечатления от этого мира, в основе которых лежали детские воспоминания и мечты военных лет, очень скоро стали корректироваться повседневной жизнью. Ограбление по пути домой, проверка в фильтрационном пункте были дополнены отсутствием жилья, работы и отрицательным отношением некоторых сограждан. Несмотря на все это, привыкая к борьбе за свою жизнь, Лидия Федоровна не остановилась перед трудностями. Она строила новую жизнь, выйдя замуж, поступив в училище, родив дочь, устроившись на работу. Все это в итоге обеспечило ей стабильное и приемлемое для нее положение в обществе.

Интервью с Л. Ф. Чулановой, одной из тринадцати гражданок Украины, согласившихся дать интервью воронежским студентам летом 2005 г., способствует выявлению специфики опыта советских женщин, прошедших через заключение в концентрационном лагере Равенсбрюк. В то же время это интервью предостерегает от абсолютизации общего, свойственного всей названной группе женщин. Оно представляет и то особенное, что вынесла Л. Ф. Чуланова, по-своему пережившая годы экстремальной лагерной действительности и последовавшей после освобождения ресоциализации в СССР.

¹ Интервьюер — кандидат исторических наук, доцент Н. П. Тимофеева; транскрипция аспиранта кафедры зарубежной истории исторического факультета ВГПУ С. В. Аристова.

² См., например: *Никифорова А. А.* Повесть о борьбе и дружбе. — Л.: Лениздат, 1967. — 319 с.; *Они победили смерть*. — М.: Изд-во политической литературы, 1961. — 340 с.; *Мюллер Ш.* Слесарная команда Равенсбрюка. — М.: Изд-во политической литературы, 1985. — 172 с.

³ См., например: *Мельников Д. Ф., Черная Л. Б.* Конвейер смерти. — М.: Вече, 2005. — 479 с.; *Семиряга М. И.* Тюремная империя нацизма и ее крах. — М.: Юридическая литература, 1991. — 384 с.; *Семиряга М. И.* Советские люди в европейском Сопротивлении. — М.: Наука, 1970. — 350 с.

⁴ Группа работала с тремя аналоговыми аудиокассетными магнитофонами.

⁵ Участники проекта выражают искреннюю благодарность выпускнице Воронежской государственной медицинской академии Екатерине Мешковой и кандидату психологических наук Ларисе Викторовне Вахтель.

⁶ Интервью, проведенные участниками проекта в г. Воронеже и Воронежской области, опубликованы в сборнике «Непобедимая сила слабых: концентрационный лагерь Равенсбрюк в жизни и судьбе бывших заключенных» (Воронеж, 2008).

⁷ Ныне соискатель кафедры отечественной истории нового и новейшего времени исторического факультета ВГПУ.

⁸ Китайско-Восточная железная дорога.

⁹ Концентрационный лагерь, располагавшийся в предместье г. Люблина (Польша). С середины 1942 г. стал лагерем уничтожения. В нем было уничтожено от 80 000 до 250 000 человек.

¹⁰ Самый большой нацистский концентрационный лагерь. Включал в себя Освенцим I (Аушвиц) — «главный лагерь», а также ряд филиалов, среди которых наиболее известными являются Освенцим II (Биркенау), Освенцим III (Моновице). Число погибших колеблется от 1 100 000 до 1 471 595 человек; основная масса из них — евреи.

¹¹ «Транспорт» — так узники называли поезд, привозивший их в лагерь.

¹² В это время Аушвиц действительно мог быть переполнен, так как являлся «транзитным» лагерем для польских заключенных.

¹³ Центральный женский концентрационный лагерь «третьего рейха». С 1939 по 1945 г. в Равенсбрюке погибло от 20 000 до 30 000 человек.

¹⁴ Одной из групп заключенных были немцы, которые либо вступали в брак с евреями, либо имели семитские корни. (От нем. «Mischling» — «помесь».)

¹⁵ Отличительные знаки разного цвета, обозначавшие причину попадания заключенного в лагерь. Выделялись следующие треугольники: заключенные-уголовники были отмечены зеленым цветом, «асоциальные» — черным, «эмигранты» — синим, «цыгане» — сначала коричневым, а потом черным, «свидетели Иеговы» — фиолетовым, «гомосексуалисты» — розовым, «евреи» — желтым.

¹⁶ В Равенсбрюке никогда не было барака № 33. Максимальное их число 32. В 1941 г., когда респондентка прибыла в лагерь, он состоял только из 20 блоков, и лишь в 1942 г., в связи с увеличением числа заключенных, было пристроено еще 12 бараков.

¹⁷ От нем. «die Volksdeutsche» — так назывались этнические немцы, проживавшие за границей Германии.

¹⁸ Полька или немка из числа узниц, являвшаяся главной в бараке (блоке).

¹⁹ От нем. «der Appell» — переключка, линейка.

²⁰ От нем. «der Betrieb» — предприятие.

²¹ От нем. «die Jacke» — куртка.

²² Один из блоков на территории лагеря, в котором к узницам применялись различные формы наказаний.

²³ В Равенсбрюке эксперименты над узницами производились в основном в направлении изучения влияния гнойных бактерий на человеческий организм. Известны также эксперименты на мышцах и костях ног, после которых большинство женщин оставались хромыми и за характерную походку именовались в лагере «кроликами».

²⁴ С 24 августа 1944 г. в Германии была объявлена тотальная мобилизация мужчин в возрасте от 15 до 60 лет в так называемый фолькштурм. В итоге в его рядах числилось около 6 млн человек. Однако оружие члены фолькштурма стали получать только в марте 1945 г.

²⁵ Эти пешие переходы узников из одного лагеря в другой или дальше от линии фронта получили позже, в мемуарах, название «маршей смерти».

²⁶ СССР не признал Гаагскую конвенцию 1907 г. и не подписал Женевскую конвенцию 1929 г., определявших законы войны и правовой статус военнопленных. Основной причиной было несогласие СССР, стоявшего на

принципах интернационализма, с разделением пленных по национальному признаку. Во время войны Советский Союз неоднократно обращался к правительству Германии, выражая готовность придерживаться основных позиций этих документов по отношению к немецким военнопленным, однако нацистское руководство отказывалось от сотрудничества в данном вопросе. Военнопленные других стран, противников «третьего рейха», имели возможность получать помощь. Так, например, только в 1941—1944 гг. американский Красный Крест, отправил солдатам союзнических армий 14 274 210 посылок с едой, медикаментами и одеждой.

²⁷ От нем. «halt!» — стой, стоп.

²⁸ Специальное подразделение СС – «Мертвая голова» занималось охраной концентрационных лагерей. Отличительной чертой их униформы являлся знак в виде черепа.

²⁹ От нем. «die Jude» — еврей.

³⁰ Равенсбрюк на самом деле создавался в основном для польских заключенных. Они составляли 36 % от общего числа всех узниц, после них наиболее многочисленной группой были женщины из СССР — 21 %.

³¹ От нем. «der Morgen» — утро. В данном случае это приветствие: «Доброе утро».

³² От нем. «die Aufseherin» — надзирательница.

³³ См., например: Они победили смерть. — М.: Изд-во полит. литературы, 1966. — 542 с.